

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

Перед нами сатирическое изображение монастырского быта второй половины XVII в. Произведение привязано к Троицкому Калязину монастырю. В XVIII в. оно перешло в лубочную литературу.

Текст печатается по изданию: Русский архив. 1873. № 9 (список конца XVII в.).

СПИСОК С ЧЕЛОБИТНОЙ КОЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ

Великому господину, преосвященному Симеону, архиепископу тверскому и кашинскому, бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня¹, диякон Дамаск-чернец с товарищи. Жалоба, государь, нам, богомольцем твоим того ж Колязина монастыря, на архимандрита на Гавриила: живет он не гораздо, забыв страх божий и монашеское обещание, досаждают нам, богомольцем твоим, вельми. Научил он, архимандрит, понамарей плутов не во время в колокола звонить, в доски колотить, и они, понамари плуты, из колоколов много меди вызвонили, железные языки перебили, три доски исколотили, ни в день, ни в ночь нам, богомольцем твоим, покою не дают. Да он же, архимандрит, приказал старцу в полночь подле келей с дубиною ходить, в келейные двери колотить, нашу братью будить; велит нам скоро в церковь ходить и нас, богомольцов твоих, томить; а мы, богомольцы твои, круг ведра без порток, в одних свитках, в кельях сидим, не поспеть нам ночью в десять ковшей келейного правила исправить и взвар с пивом в ведра испорознить, чтобы сверху до дна сдуть пенку, – и мы все то покидаем, да вон из келей выбегаем. Да он же, архимандрит, казны не бережет, ладану и свеч много жжет, и тем он, архимандрит, церковь запыхлил, кадил закопчил, а нам, богомольцем твоим, выело очи, засадило горлы. Да по его ж архимандритову приказу у монастырских ворот поставлен с шелепом² кривой Фалалей, нас, богомольцов твоих, за ворота не пускает, в слободы ходить не велит, – скотья двора посмотреть, чтобы телят в стан загнать, кур в подпол посадить, коровницам благословенья подать.

Да он же, архимандрит, приехал в Колязин монастырь, почал монастырский чин разорять, старых пьяных всех разогнал. Дошло до того, чуть и монастырь не запустел: некому стало впредь заводу заводить, чтоб пива наварить да медом подсытить, а на деньги вина прикупить, – помянуть умерших старых пьяных. А про то его архимандритово разорение явно стало на Москве начальным людем. Пьяным скоро по всем монастырям и по кружалам³ смотр учинили, а после смотрю остальных старых бражников сыскали: певчего Лукьяна, да старого лутчего подъячего Селуяна, да с Покровки безграмотного попа Колотила, и для образца наскоро в Колязин послали, чтоб они делом не плошали, кафтаны бы лутчие с плеч сложили и монастырского чина не теряли, а своего б ремесла не теривали и иных бы пить научали. И в Колязине наша братья крылошаня с любовью их приняли, таких мастеров, старых питухов⁴, стали бы купно за одно смышлять, как бы монастырской казне прибыль учинить, а себе в мошне не копить. А если бы нам, богомольцем твоим, власти не мешали, и мы бы не пожалели, и колокола бы отвязали, да в Кашин сослали и на вино б променяли: и так они нам много зла учинили, всех нас переглушили.

А в Колязине он, архимандрит, просторно живет, нашей братье в праздники и в будни на шеи большия чепа кладет, да об нас же батоги приломал и шелепы прирвал, и тем в казне поруху учинил, а себе добытку мало получил.

Да в прошлом, государь, году весна была красна, пенька росла толста. И мы, богомольцы твои, радев месту святому, меж себя присоветовали, чтобы из той пеньки веревки долги да толсты повить, чем бы из погреба бочки с пивом волочить, да по крылоским кельям возить, чтобы у келей двери завалить, будильников бы в кельи не пустить, – не мешали бы нам пива испить. И он, архимандрит, догадался, а от нас челобитья убоился: приказал он,

¹ Клирошане – церковнослужители, низшая монастырская братия.

² с плетью

³ кабакам

⁴ пьяниц

архимандрит, тоё пеньку в веревки свивать да в четверо сгибать, да на короткия палки вязать, да вздумал их шелепами называть, а слугам приказа высоко подымать, а на нас, богомольцов твоих, тяжело опускать, а сам стоя учил канон орать. И нам, богомольцем твоим, лежа и успевать не поспеть, потому что за плечами тело нужно⁵, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от его архимандритовой налоги⁶ и поневоле в церковь ходим, и по книгам чтем да поем, и за то нам долго есть не дает, а заутрени и обедни всегда не едчи поем.

Да он же, архимандрит, в великий пост завел в нов чин земные поклоны; а в нашем крылосском уставе того не написано, а по нашему уставу с утра бы рано до дни часа за три в чесноковник⁷ звонить, а за блюдом над старыми остатки часы говорить; а "Блаженны" в ведрах над вчерашним пивом поем на шесть ковшей, "слава и ныне" говорим, а к свету на печь и спать ляжем. Да он же, архимандрит, нам, богомольцем твоим, изгоню⁸ чинит: когда нам ясти прикажет, и нам на стол ставят репу пареную да редьку вяленую, кисель с брагом, кашу посконную, шти мартовския и в братины квас наливают. А нам, богомольцем твоим, и так не сытно: репа да хрен, да черный чашник Ефрем; а по нашему смыслу лутче бы было для постных дней вязига бы да икра, белая рыбица, тельное, да две паровые тешки во штях, да ушка стерляжья, трои пироги, да двои блины, одни с маслом, а другие с молоком, каша пшонная, кисель с сытою, а во братины б наливали пиво мартовское подельное. И у него, архимандрита, на то смыслу не стало, а нас, знающих людей, не спросит, сам во нраве своем один живет, да с горя сухой хлеб жует, мед весь перекусит, и он воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимандрита вдруг ума не стало: мышцы с хлеба опухли, а мы с голоду умрем.

И мы, богомольцы твои, его, архимандрита, добра доводили и часто ему говорили: "буде ты, архимандрит, хочешь в Колязине побольше побыть, а с нами, крылошаны, в совете пожить, а себе большую честь и славу получить, и ты б почаще пиво варил, да нашу братью до пьяна поил, а в церковь бы пореже ходил и нас бы не томил". И он, архимандрит, родиною поморец, а нравом ростовец, а умом кашинец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, мало с нами пьет, да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метельными комлями⁹ да ременными плетями. Честь нам у него была добра, во всю спину ровна, что и кожа с плеч сползла. А когда мы, богомольцы, за правилами с вечера утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся, а поутру встать не сможем, а где клобук с мантиею, того мы и не помним; и тогда мы немного умедливаем, к девятой песне поспеваем, а иные к началу расходному. Как он, архимандрит, монашескому житию не навичен, крылосское правило и всенощное сидение и ни во что вменяет.

А в Колязине обитель не малая, казна большая, после мору старых лет в запасе осталось, в хлебне по подлавичью¹⁰ стулья да чеппи валяются, в мукосейне по спицам шелепы да плети висят, в караульне по подлавичью снопы батогов лежат, и у нас, богомольцев твоих, от того страху очи не видят, а у малодушных за плечами кожа вертится, от того и ночью не спится. И о сем дивимся, что он, архимандрит, в Колязине живет, а по нашему пить не научится, а нашу братью смирать горазд. Не лутче ли ему прочь от нас? А на его место охочих будет много из нашей братьи великого смысла; а на пусте жить не станем, а в анбарах простору прибавим: рожь да ячмень в голод изростим, да пива наварим, овсяныя бражки поставим, а на деньги вина прикупим, начнем крестьянами наряжать, прикажем колокола отвязать, велим в Кашин сослать и на вино променять: и так нам много они зла учинили, всех нас оглушили и нищими в век нас нарядили.

⁵ усталое

⁶ Налога – насилие, принуждение.

⁷ Чесноковник – чесноковая ступка.

⁸ обиду

⁹ вениками

¹⁰ под лавками

А как мы того лихого архимандрита избудем, а доброго добудем, который бы с нами горазд лежа вино да пиво пить, а в церковь не ходить, а нас бы не томить, и мы начнем прибыль чинить, вино в чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое затирать, а иное станем на дрожжи наливать, а в доски и в колотовки не станем бить, а на погреб готовы и без звону ходить, ладану да свеч не станем жечь, пиво да вино с лучиною станем пить, а ризы да книги в сушило вынесем, церковь замкнем, а печать и в лубок загнем, понамарей вышлем в слободу жить, прикажем им почаще в монастырь ходить, из недели в неделю в год по одиножды.

Милостивый государь, преосвященный Семеон, архиепископ тверский и кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих, вели, государь, его, архимандрита, счесть колокола да чепи весом, а уголья мерою, доски и колотовки числом, а в утерной убыточной казне отчет бы нам дал: крылосские люди живут не богато, нажитку не имеют, только у нас плошки¹¹ да лошки. А будет ему, архимандриту, и перемены не будет, и мы, богомольцы твои, ударим об угол да лошки, а в руки возьмем по сошке, да ступим по дорожке в иной монастырь, а где пиво да вино найдем, тут и поживем; а когда тут допьем, в иной монастырь пойдем. А с похмелья да с тоски, да с третьей бродни, да с великия кручины назад в Колязин пойдем и в житницах и в анбарах все пересмотрим. Господин, смилуйся! А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мазаев, да Антон Дроздов, Кирилла Мельник, да Роман Бердник, да Фома Веретенник.

Зри очима, слушай ушима, внимай сердцем, пиши рукою, сиди крепко; у бога милости проси, да и молися, не плоши.

¹¹ чаши